

инна
харитонова

для тех,
кто умеет
читать

{ ПОВЕСТИ }

ВСЕ МОТУ

Для тех, кто умеет читать

Инна Харитонова
Все могу (сборник)

«Центрполиграф»

2014

Харитонова И. А.

Все могу (сборник) / И. А. Харитонова — «Центрполиграф»,
2014 — (Для тех, кто умеет читать)

Эта книга о красивой, мудрой, неожиданной, драматической, восторженной и великой любви. Легко, тонко и лирично автор рассказывает истории из повседневной жизни, которые не обязательно бывают радостными, но всегда обнаруживают редкую особенность – каждый, кто их прочтет, становится немного счастливее. Мир героев этой книги настолько полон, неожидан, правдив и ярк, что каждый из них способен открыть необыденное в обыденном без всяких противоречий.

© Харитонова И. А., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Все могу	6
Привет... пока... до завтра...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Инна Харитонова

Все могу (сборник)

© Харитонова И.А, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

Все могу

Девка без жопы что клумба без цветов... Так про нее в школе говорили, а она не обижалась. Зачем? Ведь правда. Не было у нее, у Вальки Дорофеевой, даже намека на пышность зада, и откуда бы ему только взяться? Голодно, хлопотно, печально жила Валя. Бедно и страшно.

Не в самой плохой деревне родилась Валентина. И даже в очень хорошей семье. Отец с войны только вернулся. Не злой и не калеченный, но и без наград. Ему, можно сказать, повезло. Бывало, сядет на лавку, сгорбится, руками на ноги обопрется, локти расставит на Ботню и Железную и смеется: «Что ж вы меня про войну пытаете. Говорю же я вам, в войне не принимали участия три армии: шведская, турецкая и 23-я советская». Смеется. Люди, кто не местный, не знают, правда ли. Все-таки целая армия и вот так, в бездействии. Как же подобное быть может, когда каждый взводик считали. Не верили многие Егору. Или контуженым его считали. А ведь не врал, были они на Карельском перешейке почти всю войну как в стационаре, и лично он, Егор, стоял где-то под Выборгом со второго года войны, поэтому повоевать ему толком не пришлось, даже соединение его никто так никуда и не перебросил. Удача.

И баба его дома дождалась. Тоже удача. Девка у них первая родилась. Не совсем, конечно, результат, но тоже хорошо. Подумал Егор и Валькой назвал. Мамаша не сопротивлялась: «Бери имя мальчишное, мне все равно». Плохая была уже тогда Валькина мать. Болезная, безвольная, как сухая трава. Выветривалась ее жизнь с суховеем, и Егор поделаться ничего не мог. Что тут сделаешь?

В памяти его потом все слилось вроде как в один день. Валькино рождение, посевная в колхозе, косяк аистов в небе, длинный такой косяк, два часа тянулся, прерывался, пропадал, а потом вдруг заново, продолжение – догонять первых. Никогда в своей жизни ни до, ни после Егор не видел столь удивительной и пугающей красоты – долгих аистов в сером небе, набрякшем дождем, осенью и бедою, которая унесла куда-то и навсегда его жену после легочного заболевания, которое так и не научились даже сейчас лечить полностью – до самого оптимистического конца. А в небо Егор больше не смотрел. Женился.

Никто Егора не осудил. Ребенок в избе грудной.

Егор могучий мужик был, даже красивый – вроде Савва Морозов и Добрыня Никитич, – только с неухоженной бородой. Не знал он про себя такого – мужик как мужик, а не порода. Откуда бы? И жене его новой Егор кем-то особенным не казался, но отлично она понимала, что время после войны, поэтому хоть и девка на руках, мужик ей достойный попался. Шофер – в руках руль, в кармане – рубль. Не пьет.

Ни в чем не прогадала, вошла хозяйкой.

С тех пор имя мальчужков стало Вале приговариваться.

Нет, мачеха не мучила, даже наоборот. Сиди, Валюша, дома, в школу не ходи. Зачем тебе школа? Дома как хорошо. Братик Славик и братик Андрейка. Любят тебя, души в тебе не чают, ручонки только к тебе тянут, соскучаются. Вот сестренка, может, у тебя скоро народиться. Хочешь – Любочкой назовем, как маму твою. Как какую маму? Нет, Валя, не я твоя мама. Папа, да. Твой папа. А мама нет, не я... Так ты отцу скажи, не пойду в школу. Ладно? Ясно – дома хочу. Зачем тебе школа? Побежишь через ручей, а там за горкой волки. Страх какой. Все у нас в конторе говорят, что волки. Зины Смирновой сноха видела. Да. Сама. И еще Пал Кузьмича брат. Там они, там.

Валентина волков боялась, но еще больший ужас жил у Вали где-то за верхним началом фартука, под шеей, где у других обычно встает ком в горле, и выражался этот ужас в опасениях, что не придется ей выучиться читать. Баба Фрося ведь как часто говорила: «Не грамотная я, внучка, всю жизнь и горемычная». Вале так было не надо. Стоя в скотнике в навозе по колено,

Валя шурилась через окошко на отцветающий второй или третьей волной луг – зеленый океан, думала о словах бабы Фроси.

Вот если глянуть по сторонам. Дачники чистенькие, душем моются. Книжки вечерами читают, говорят, что и в кино ходят. Про кино-то обман, конечно. Но книжки у них хорошие. Большие. Инженера дочка про моря рассказывала, как там один человек заблудился и жить остался вроде как насовсем. И еще про одного, у которого нос длинный, а сам вроде чурочки и глупый такой же. И платьев у них у всех много, даже шелковые, а у меня два и те послыняли. Почему у них так? Вале из всех умозаключений больше всего нравилось первое, самое что ни на есть фундаментальное – потому что грамотные. Поэтому надо в школу. Там учат.

Мачеха обиделась, нижнюю губу прикусила, но дала свою перешитую юбку. Отец не вникнул – денга пошла, можно было новый дом ставить. Жена теперь завсклад механизаторов. За каждой железкой – все к ней. Устроилась жизнь.

Со школой как-то тоже приладились: сегодня на телеге, завтра отец подвезет на полуторке, послезавтра – бегу пять верст. Там-то Валя с волком – мачеха напредвещала – все-таки столкнулась. Эта встреча осталась Вале на всю жизнь. Но не пережитым ужасом, а уверенностью – ведь все могу.

Был по дороге такой уклончик, от речки, от Вашаны, летом там хорошо гулять ирисками – так Валя называла цветочки иван-да-марья – загляденье. Фиолетовый ковер с золотым ворсишком. Возьмешь цветочек, а на нем шмелек даже непо потревоженный вьется: «Здравствуй, Валя, я твой дружок-шмелек». А потом жу-жу-жу и нет его. Валя смеялась: «Куда ты, дружо-жо-жожок?» – и цветочек до дому несла, вдыхала. Валя знала, что это цветочек для счастья, – у них все знали. Если из него мочалу скрутить и помыться ею, говорили, обязательно будет счастье. Всенепременно. Валя очень верила в счастье, потому что другой вере Валу не выучили. Так вот, может, благодаря счастью Валя зимой от волка спаслась.

Она его первая увидела, а он вроде как на взгляд обернулся, как детки глаза открывают, когда на них, спящих, долго и молчаливо смотришь. Что там волк учуял? Сиротку или счастливую, тощую или горькую, но, когда Валя в кошмаре качнулась, подалась вперед и, наконец, побежала, крича страшным голосом, зверь тихо пошел в другую сторону по своим важным волчьим делам.

Дома не поверили. Говорят, что с собакой спутала. Валя обиделась: как это так, она что, собаку от волка не отличит? Но отец, когда Валя лежала уже и почти спала, подошел, на лоб руку положил свою тяжелую, чуть погладил и совсем нежно, как и не отец вовсе, сказал: «Вот и мамку твою волки боялись». А потом опять погладил. Пожалел. Спустя долгие годы Валя помнила эту руку, и, когда уже отец умирал совсем, рак горла у него нашли, рука лежала такая же тяжелая и крепкая на Валином плече и как будто уверяла: «Ты, Валь, не дрейфь, обойдется». Говорить Егор уже не мог.

А главное свое слово в отношении Валентины отец сказал, когда та школу кончила. Полную школу, не восьмилетку. «В Москву, Валентина, езжай. Учись дальше». Мачеха тогда подбралась всеми силами и проявила самое стойкое сопротивление: «Нельзя, Егор. Что ты делаешь?! Зачем? И так ее десять лет тянули». Мачеха с годами посмелела – руководитель ведь, «командирша», как мужики ее звали. Но в доме погоны снимала, Егору начальников хватало. Мачеха отца пугала, что, мол, испортит Москва девку, пожует и плюнет. Но на самом деле боялась она только одного – продолжительного оттока семейного капитала в Валину московскую сторону. Зря боялась.

Валя как сошла с поезда на Курском вокзале, как купила себе пирожок, разменяв новенькую красненькую, а сдачу спрятав, так больше к отцу за деньгами не возвращалась.

Еще в дороге решила себе главное – все могу. Некрасивая, худая, носатая, слабоволосая, конопатая по телу, с троечкой по коварной физике, но в новом платье – отец купил, – Валентина знала, как и многие ее содейственницы, что обратно хода нет. Никогда.

За окном плыли травяные поля, где-то даже виделись Вале четкие ромашечки, нежные колокольчики, кумарные донники, и думалось: как теперь, кто теперь их насобирает, засушит, если не она. И вдгон представлялось: а может, в сельскохозяйственный? А вдруг в деревню вернут, к истокам? Совсем не для этого еду, а для чего? Была это Валина тайна.

Деревенские дачники всегда, как пошла в школу, давали Валентине книги, поощряли знание. Дочка их – так та даже занималась с Валею диктантами, изложениями: «Слушай слово, Валечка. Слушай, как прекрасна каждая буква, сложенная в единое целое, в слово. Нет ничего удивительнее. Слово чудесно, им можно выразить все что угодно – даже любовь, счастье». И потом шли стихи, которыми дочка дачников делилась с Валею на закатах. И Вале все это так нравилось: и красные лилии в их саду, и тяжелые книжки на скатерти в терраске, сама скатерть с вырезкой, действительно само слово, которое на бумаге обретало дыхание, а особенно было по сердцу счастье, про которое так часто говорили.

Валя влюбилась сначала в слово, потом в книгу, а потом в картинку, которую то и другое создает благодаря, наверное, какой-то биохимической реакции, расщепляющей привычное, срывающей горизонт, грандиозно меняющей плоскость угла зрения и дарующей свет, через который лились на Валею никогда не виданные вишневые сады, петербургские грязные улицы, морские просторы, мужчины в накрахмаленных сорочках, кони в яблоках и дамы в кружевах. Нестерпимо Вале хотелось стать частью этого мира, и самое простое, что Валя придумала, – пойти в актрисы.

Прям вот так, с ходу. В актрисы. Но мешал пасьянс сомнений: может, нет таланта; кругом блат; наличие отсутствия красоты. Валя волокла свой узел по вихляющей улице, достаточно провинциальной, малолюдной, и дышала Москвой. Она не захотела на Красную площадь, и во многом потому, что боялась метро, поэтому, озираясь, пошла по длинному от вокзала переходу – решила просто прогуляться. Она минула Институт землеустройства и даже остановилась перед информационной доской. Если в актрисы провалюсь – сюда приду. Ближе всех от поезда, значит, хороший институт.

Столичный вирус амбиций завладел слабой Валею тотчас. Мысль о возвращении в родные края уже не казалась столь невозможной. Прикачу в район инженером, костюм куплю твид, завивку сделаю. Но, вчитавшись, поняла – не вернусь, тут с физикой принимают. Гори эта физика ядерной силой. И пошла Валя дальше и, как счастливый сон, увидела что-то театральное, на деле техникум, театрально-художественный, совсем не легендарный, но с традициями.

«Техникум, это сколько учиться?» – по-своему интересовалась у прохожих Валя. Три года? Всего? Мне подходит. Но и тут вышло недоразумение. На актрис не учили. Советовали ехать на Кузнецкий Мост, там берут.

Валя сникла. Проходя мимо педагогического, было остановилась, но тяготения не почувствовала. Прикинула что-то и отправилась дальше. Педагогический вуз находился в прямом и неразрешимом противоречии с представлениями Валею об успешной жизни.

Москва Валею не потрясла. Вероятно, происходило это по причине невероятной Валею сосредоточенности на главном результате и жарко горящего целью сердца. В ту минуту не нашла в себе Валя придыхания перед прогрессом, перед током научной мысли, которая выражалась практически во всем вокруг. Абсолютно не взволновали Валею трамваи, троллейбусы, стройные ряды автомобилей, бегущие над ними провода, высота зданий и их условная красота. Даже эскалатор в метро не удивил, видела ведь до этого элеватор.

Зато театральная на Кузнецком Валею сокрушил. Она бежала оттуда с поспешностью опозорившейся женщины, у которой раз и резинка на штанах лопнула, упали штаны на туфли, стыдно, когда всем штаны видно. Валя бежала, а за ней, как осколки от астероида неудавшихся актрис, неслись неподготовленные басни, песни, стихи и пляски. Наивность? Глупость? Прямым с грядки приехать на актрису, не на артистку – Валя точно понимала разницу, – и ниче-

гошеньки не подготовить. Впереться в вуз «на доброе утро» со всем своим жалким барахлом и пытаться всех подряд: «Что делать-то? А?»

И в драмкружке вы даже не занимались? А программу хорошую подготовили? У вас какое амплуа? Все эти страшные вопросы Валу оглушили. Она стояла среди тротуара как пьяная, и сразу как будто наизнанку вывернули солнечную мечту, поняла – проиграла. Это убеждение пришло к ней раньше его осознания. Она еще читала стенды, но умом уже знала – все, тью-тью. Прощайте нарядные сцены, прощайте афиши в сельпо. Да, конечно, ей сказали, что практически всегда так, «первая попытка оставит без прибыли». Но надо стараться. Работать. Имелось в виду работать над собой, над репертуаром, над словом, вздохом, движением, статью. Но Валя вдаваться не стала, запомнила только «работать». Это-то она умела.

Казалось бы, странно, день, когда Валя впервые оказалась в Москве и прошагала по столичным институтам свой траурный марш, не перестал быть одним из главных в ее жизни, определяющим, но почти сразу же пропал из ее острой памяти. Остался акварельным наброском, еле-еле, бледно-серое на водянистом салатном. Зато вечер, когда она открыла дверь комнаты общежития ЗИЛа, окрасился в яркий алый цвет.

Между этими двумя событиями был Валин ночлег на вокзале и марш-бросок в Химки, в бывший библиотечный, или, по-новому, культурный, – последняя надежда Вали подойти к сцене. Там также что-то не сложилось – то ли брали исключительно танцоров, то ли только певцов народного хора, и Валя совсем хотела было бросить якорь разочарования обратно в деревне, но вовремя вспомнила о слове, книге и... И вроде бы она была некрещеная, но в тот момент подумала, что за руку ее кто-то взял, ведет бережно туда, куда истинно надо. Вот же он, библиотечный, культурно-просветительский. Валя и не думала, что на такое еще и учат. Тогда бы она сразу сюда, какие могут быть актрисы. Надо же.

Хороший получился коктейль. Химкинская культурная заочка и трудовой ЗИЛ. Валя коктейль аккуратно смешивала, чтобы нигде ничего мимо не расплескалось. Домой написала – устроилась, оттуда уточнять как не стали. И пошла жизнь. Самая настоящая.

Конечно, от Вали не укрылось, что она все-таки попала из каменного века сразу в космос. Подкреплялось это убеждение чарующими деталями. Соседка по общежитию, например, брила ноги и подмышки. Щипала и красила несмываемой краской брови. Очаровательная девушка. Рассказала Вале много полезного, как, например, лучше делать, чтобы не образовалось ребеночка. Или вот что предпринять, если все же случилось. Где продают скатерный лен с милейшим рисунком: маленькие букетики ландышей, перевязанные ленточкой. Зачем скатерный? На юбку, конечно, кому нужна скатерть с ландышами? А вот комнату когда дадут... Какую комнату? Валя искренне изумлялась. Да, Валечка, не сразу, но получишь. Только надо бить лапками. Хи-хи. Последняя рекомендация отлично корреспондировалась с Валиным «все могу» без всяких там смешков. И Валя охотно расставила закаленные деревней длани для столичных действий.

По хронологии получалось, что все ее профессиональные победы были долготерпимыми, уж больно слишком последовательными, растянутыми до известного нервного предела. В комнате с красными шторами – вот почему первый день в ней казался ярким – прожила Валя долго, весь институт и еще вешку. И соседка давно поменялась, а шторы, скроенные когда-то из кумачового ситца, сэкономленного с укрытия тумбы под бюст вождя, почти и не выгорели, висели, глаз радовали. «Дураки красный цвет любят», – шутила Валя перед гостями.

Сама же дурой не была. Пообтесалась она в столице, обвыклась. Приобрела на ЗИЛе административный вес и вес реальный. Сыто ей никогда не было. Но, видимо, не от еды, а от свободы стали активно расти сначала ее верхние женские атрибуты, потом вполне коммунистическими темпами нижние. Ну и сахар, конечно, полюбила. Провинциальный недуг. Клала, сыпала, прикусывала. Карамельки, подушечки, цветные помадки, пастила, зефир и – как венец торжества над миром – зефир в шоколаде из коробочки.

Ставка там, полставки сям, общественная нагрузка, культпросветлекции и прочее. Деньгами выходило у Вали прилично. После первого года домой поехала, свертков с подарками набрала. Не скупилась. Брала лучшее. Каждая мелочь завернута в отдельную бумажку с фирменным рисунком: универмаг «Москва», ГУМ, ЦУМ. «Если понюхать – прямо Москвой пахнет», – мачеха сказала, поднося к лицу кулечек. Отец улыбнулся. Больше приятных событий в тот отпуск не было. Однообразная деревенская жизнь. Тот же навоз, то же сено, тот же покос, тот же рядом колхоз. Ничего как будто бы Валя и не достигла – на руках никто не носил, успехами не гордился.

Но сердцем она про себя понимала – молодец, Валька. Дальше Тулы из их школы никто не уехал, а она – вон куда. Валентина Егоровна теперь. Человек интеллигентной профессии и большой трудовой силы. Да! Музеи полюбила. Сначала с дочкой дачников ходила, та, по деревенской привычке, и в Москве продолжала образовательную программу. А потом почувствовала, как-то мало ей этого. Не хватает. Самой надо. Даже в музей метрополитена. Везде Валя, ножками Валя.

Туфли на танкетке. Платье кримплен.

В пушкинском радостно, в планетарии пьяняще, в васнецовском сказочно. Третьяковка, ЦДХ, зачем-то тревожный музей Островского, бахрушинский – влекло все же театром. Ну и любимый – зоологический, широкий и тихий, в нем бы Валя жила, не выходя на свет, среди всей этой «животины», столь любимой ею всегда, даже среди коллекции пауков.

А вот в театр Валя не ходила. Хотя возможность была, и иногда даже бесплатно. Она пробовала и на балет, и в оперетту. Но, сидя в зале, счастья не испытывала. Томило подозрение – а ведь и я могла! Появлялась в Вале слабенькая зависть, первая, робкая, но вполне оформившаяся. И еще чуточку злость – значит, не все могу-то.

Но долгожданную московскую комнату Валентина все-таки получила. Стучилось это уже к тридцати, и многим казалось – поздновато, но Валя уже тогда знала, что эта задрипанная чертановская комната лишь начало ее славного пути к отдельным хоромам. Тем более предпосылки были. Не одна заезжала она в эту комнату, а с законным мужем. Семейно, значит.

Мужа звали Саша Бублик. Именно с сочетания этого имени и фамилии начались огромные перемены в Валиной жизни, и если изобразить их схематично, то получится довольно резкая траектория.

На слух Вале сочетание не понравилось, и возраст Саши был ниже Валиного. Но он, как увидел ее все в той же комнате общежития, придя со знакомым к знакомой знакомого, так сразу и влюбился. Очень уж притягивали Сашу Бублика женщины с конопатыми спинами. Рыжих любил и «под рыжих». Чтобы все плечики рябые, а кожа красноватая. Такие предпочтения были у Саши, и надо сказать, что и вкус у Саши тоже находился. Ведь как иначе – учился Саша на прикладном в Строгановке. Валя, не знавшая еще никаких, кроме производственных, близких отношений, в буквальном и переносном смысле потянулась к искусству, которое Саша одинаково олицетворял в творчестве и под одеялом.

Валю не смущала разница в возрасте, ученическое положение возлюбленного, дивизия его друзей. Ведь Саша был художником, и подобный род занятий в понимании Вали освобождал его от недостатков. Саша показывал Вале работы по академическому рисунку – серое на белом, и Валя обмирала, потому что в ее понимании биология сего таланта была непостижима. Теперь они вместе ходили в музеи, вместе ели, спали – Саша тоже никогда не был до конца сыт ни тем ни другим.

Саша Бублик – младший из трех братьев – один выбился в Москву из богатого курортного Пятигорска и бедной рабочей семьи. Конечно же в таких условиях факультет монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства являлся большой удачей. Саша тоже «бил лапками», бегая с лекций на работу лаборанта при кафедре «История искусства», и

наоборот. Кроме того, Саша уже тогда писал картинки на продажу – сиреньки, кораблики, лесные дали. Но Сашино «битье» приносило менее интенсивный денежный отклик, чем Валечкино. Поэтому свадьбы делать не стали. Но невеста в универмаге чехословацких товаров купила себе очень достойное нарядное платье, а жениху к свадьбе подарила парадный костюм, «чтоб на работу потом ходить». Но с последним у Саши были серьезные трудности, или, как говорили художники, большие проблемы, потому что слово «работал» Сашина биография всегда заменяла, по сути, на «подрабатывал».

Когда родилась у них с Валею девочка Маша, Саша отливал бесконечные гипсовые головы на художественно-скульптурном комбинате. Все эти бестельные Диадумы, Сократы, Афродиты Книдские иногда снились ему в кошмарных снах, и тогда он в грусти шел к друзьям, находя успокоение в добром общении и щедром алкоголе. С Валею обсуждать тонкие материи художнику и краснодеревщику Бублику почему-то не хотелось.

А друзья его любили, помогали, советовали. Не раз их участие действительно было важным. Хотел вот Александр Васильевич Бублик назвать дочку редким именем Ассоль. И даже начитанная Валя не возражала. Но друзья предупредили: «Подумай. Ассоль Бублик. Вот будет анекдот. Проще имя ищите». Нашли – Маша. Вроде в честь его матери и так совокупно благозвучнее, в гармонии с содержательной фамилией. Рабоче-крестьянская сущность не отпустила.

Валентине было трудно. С рождением Маши стала она тревожнее, проснулся в ней какой-то дремлющий до того резервный нерв, как новой ниткой прошили. Она порывисто и преданно отвечала за дочку. За ее дыхание, взгляд, пеленку, настроение. Валя как будто и не родила ее, сама в ней осталась. Чувствовала ее и жила ею. Но было понятно – срочно нужна отдельная квартира. Чтобы комнатка для Маши, уголок-мастерская для Сашеньки. И как раз перспектива под ноги легла – место в ЖЭКе, куда бывший начальник звал: «Не завтра, Валентина, не обещаю, год-другой поработаешь, потерпишь, ну и новоселье справишь». Валя зажглась. Все могу. Добытчица. Валя в раздумьях шла к дому, привычно открыла почтовый ящик, достала журнал «Здоровье» по подписке. И в подтверждение своих мыслей прочла слова на обложке «Родине – вдохновенный труд. Рабочему человеку – внимание и заботу».

Если бы знала, что труд и год-другой растянутся на долгих почти полтора десятка.

Согласилась Валя на работу, хотя Маше и года еще не было, но тянуть было нельзя. Поспешай, Валя, завидное место, займут, таких, как ты, – полгорода, ничем не особенная.

Сердце металось и рыдало, когда на поезде с Машенькой до Пятигорска тряслась. Сердце плакало, когда свекровь тряхнула ее малышку с рук на пол, сунула в почти беззубый ротик кусок сала и спросила: «Что ж это она у тебя еще ссытса в год?» – и сразу под попку, теплую, розовую, пышную, старый железный горшок. Сердце как омертвело, когда уже ехала обратно, – устало сердце. Но в этот момент впервые впала Валя в странное состояние, всеми своими чувствами она подвинулась куда-то вправо и сильно вбок. И захотела до одури, до неожиданного крика в полупустом вагоне только трех вещей от жизни: Машу, Сашу и отдельную квартиру. «Психическая», – вздрогнула от резкого вопля Вали проводница.

Саша же «вздрагивал» по иным поводам. Родины – вздрогнули. Крестины – вздрогнули. Юбилей – дали залп. Саша пил не больше других, но меньше других имел заработок, поэтому своим досугом приносил семье заметное напряжение. Когда как в домах собутыльников недовольство пьянством изрядно компенсировалось денежными благами – «выставочными», «командировочными», «постановочными» и прочими. У Саши, как ни старался, так не получалось. Валины заработки все равно были значительнее. Но не из-за денег Валя терпела скучный труд, за идею.

Все за нее. Машку в сад. Воспитательницам картошки, свеклы, моркови, яблок деревенских, все с заиском, со словами: «Примите, это свое, с огорода, чистенькое». А про себя: «Смотрите лучше за моей Машенькой, шарфик на ней выше вяжите, кашки больше кладите,

очень она ее любит. Поласковой с ней надо». А Машка все равно каждое утро почти целый год, как только мать за порог сада, звездой в окне прилипнет: «Мамочка!» – и плачет, слезы прямо льются, сил нет потом работать после такого. Но надо терпеть. Скоро, уже совсем скоро, сказали, квартиру дадут.

С Сашей тоже все нехорошо было. Он вдруг перестал помещаться в пространство ее мыслей о прекрасном, добром, о любви. Видела она все чаще, как кончалось в нем вдохновение и начиналось скотство. Все же бывали моменты, озаряло обоих. Его кидало к Вале, как других к вере. Она прощала, жалела. Но потом все портилось, стекало, низвергалось скандалами. Саша уходил злой как собака, чтобы вернуться через несколько дней пьяным как свинья. И все это в этой комнатухе, шкафами перегороженной от ребенка. Валя мучилась, ей казалось, Маша видит и страдает. Поэтому и успеваемость в школе скверная. Валентина даже о разводе думала. Но какой сейчас развод – вот-вот дадут квартиру.

Валя не сидела, руки не складывала. Она мыслила, как Ботвинник, как сам Михаил Моисеевич, не на ход вперед, на партию. Поэтому оказалась в их комнате прописанной пятигорская свекровь. Не жила, но числилась. Выходило выгодно. Свекрови меньшая квартплата, Вале – третья комната. Она прямо так и видела эту третью комнату – пусть будет спальня, денежки откладывала на гарнитуры, обои и общий ремонт. Даже Саша воспрянул, стал колотить какие-то полочки, этажерки, сказочные сундуки с резьбой, поменьше – для Машкиных игрушек, побольше – в коридор. Если сундук ковриком застелить сверху, получится как лавочка. А, Валь? Обувь снимать как удобно, чтобы не нагибаться.

«На что намекаешь?» – злилась Валя, но сундуки в душе ободряла, красочно, у Машкиного даже петушки нарисованы. Обижалась же на намеки, ведь была уже слишком в теле, и правда, нагибаться тяжело: ноги – бульонки, попа – самовар, сиськи – подушки.

Маше такая мать не нравилась. Она ее мучительно стеснялась. Придет Валя за ней в школу, встанет на крыльце, а Маша в раздевалке отсиживается, чтобы все ушли и никто ее с этой толстухой не видел. Знала бы Валя! Она для Машки все. Простужаешься – на флейту тебя. Легкие слабые – на хор. Рисовать хочешь, как папа, – в художественную школу. Надоела флейта? На саксофон хочешь с мальчиками в оркестр? Можно, конечно. Никакого отказа в образовании. Прочь хозяйство и страшный быт. Каждый выходной – музей, цирк, театр. В Москве живем, Машенька, понимаешь, столько здесь всего! Маша понимала. Послушная росла девочка, спокойная. Никаких с ней недоразумений. И еще хорошо, что Маша, а не Ассоль, не тянула она на такое имя. Толстые щечки, глазки поросычьи, фигура невнятная и такая же одежда. А хотелось джинсы синие. Но на одежду мать не тратилась, считала, что рановато еще наряжать, вот в институте – тогда да, надо обязательно.

Сказать, что Валя дочку любила, – почти промолчать. Машу она безгранично превозносила, соорудив ей трон из всех своих надежд и усадив Машу на шелковые покрывала обожания. Если кто-то спрашивал о девочке, Валя рассыпалась в пленительных подробностях Машиных успехов: «Да я-то что. Съездила, да, в Чехословакию, а Маша участвовала в отчетном концерте, выступала вторая после самого Григоровского... Что привезла, спрашиваете? Книжки, конечно, Машеньке альбом Альфонс Муха, она же так, знаете, удивительно рисует, так чисто чувствует цвет. А цвет, Саша говорит, показатель таланта. Что, простите, Прага? Прекрасна, просто неземная. Вероятно, Машеньку тоже надо было с собой взять, она бы потом рисовала этот город, реку. Понимаете, архитектура очень даже Машеньке покоряется в рисунке. Хотя другим...»

«Мам, а можно я буду тебя называть Валентина Егоровна?» – спросила как-то Маша. И Валентина Егоровна сначала не поняла вопроса, потом решила – шутка, и только прикрутив звук проигрывателя, откуда пела «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку», внимательно посмотрела на дочку, сглотнула и

кратко спросила: «Почему, дочка?» Маша вернула звук на нужное ей место, пожала плечами и безжалостно ответила: «Потому».

Валентина Егоровна высоко задумалась. Ее мысли плыли над Чертановом, поворачивали неспешно на юг в Алексинский район Тульской области, делали петлю и возвращались. Валя четко увидела, что попала в замкнутый круг тотальной нелюбви и теперь все – мучайся с рождения до смерти, никто не полюбит, это как опасная вирусная зараза, не вылечивается. Валя почти никогда не плакала, но тут зарыдала. Маша испугалась, бросилась, гладила по волосам, нудно плакала сама. А Валя закаменела, как будто ничего не видела, и, главное, не успокаивалась. Истерика была уже судорожной, и неизвестно чем бы кончилось, но пришел отец. Сказал простое, какое-то даже абсурдное слово, Валя все хотела вспомнить его потом, и плач прекратился. Валентина умылась, Маша вытерлась рукавом, и стали жить дальше. Надо ли говорить, что после этого дня Валентина полюбила дочку сильнее прежнего, счастьем окутала, светом осияла.

Квартиру дали неожиданно, когда Валя уже почти отчаялась, дожидаясь подписания одних бумаг, согласования других инстанций, закружившись в канцелярской и бюрократической суете, изматывающей и беспорядочной. Но переезд случился не быстрый, ждали, когда Машка девятый класс закончит. Не Бронная, конечно, Борисовские пруды, но, как и полагаются, три комнаты, два балкона, широкий коридор и никаких соседей. Это была долгожданная победа, но, странно, Валя не испытывала радости, а лишь одно раздражение. Бесило все: нет метро, плохая школа, нет телефона, вода из речки почему-то хлоркой воняет. Даже Саша бесил меньше, чем эта квартира. Раньше хоть звонил: «Я у Петрова», а теперь пропадал неделями, на работу Вале тоже не дозвонишься, трубку специально снимали.

На самом деле Вале с этой квартирой повезло по-крупному, почти уже никому не давали жилье в те годы. Валя выгрызла, как у волка. Но что-то определенно потеряла, и это что-то было вполне уловимым – борьбу. «В войне не принимали участия три армии: шведская, турецкая и 23-я советская». Валина армия тоже бездействовала. Не было теперь нужды в контрмерах и многоэтажных спецоперациях. Валина мировая война была самой длинной в истории, продолжалась тринадцать лет и один месяц и завершилась трудной победой квадратных метров над силой духа. Валя сидела в двенадцатиметровой кухне на табуретке, широко расставив ноги, толстые ляжки иначе до мозолей стирались, курила и ничего, кроме опустошения, не чувствовала.

Работу, конечно, Валентина поменяла. Машку отправила в училище на швею, размыслив, что готовое ремесло все лучше, чем школьные уроки.

Саша на Валиной родине памятник участникам Великой Отечественной войны заканчивал – искренний и честный монумент. Жив еще Сашин талант, жив. А отец вот Валин не дожил до триумфа семьи.

«Не хотите к нам вернуться, Валентина Егоровна?» – спросил местный начальник на торжественном открытии в День Победы не как у жены автора проекта, а как у очень нужного для области человека. И это тоже была победа. Валя улыбнулась: «Да ведь некуда». Так в родной деревне Вале достался почти за бесценок огромный участок с домом-завалюшкой. Саша смеялся: «Валюшка в завалюшке». Дом сломали, решили строиться. Бей лапками, бей.

Хлопот прибавилось.

Валя поначалу часто думала: правильно ли поступила? Может, надо было в их СНТ участок приобрести? Но там давали только клочок, а здесь два гектара – кто бы их еще считал. Здесь родина, а там расчерченное поле. Здесь из родных только груши, зато там две подруги. Никого близких в ее деревне не осталось, даже слегка знакомых – четыре дома. Отжила свое деревня, отгуляла и стояла теперь разбросанная и полусохранная, как улыбка старика.

А Валя везде договаривалась, просила, требовала, организовывала доску, кирпич, цемент, стекло и всякую мелочь, которая необходима в строительстве. Платила за все практически тоже только Валя. Саша же строил. С увлечением, выдумкой, особой архитектурной мыслью, не реализованной в бесконечных поисках собственного места в искусстве и так хорошо приходившейся здесь. Все очень отраднo получалось. Одна баня – удивление шесть на восемь и те же три комнаты. Дом кирпичный, пока не смотрите, недоконченный. Придумал еще капитальный навес, как в заграничных журналах, для уличной печки, стола и скамеек. Валюша виноград присадила, закуривался деревенский очаг. Но, к сожалению, по всем признакам уже доплевал очаг семейный. Нелепо не совпадала семья в желаниях, во времени, в чувствах.

Валя, прикоснувшись к земле, во многом поменялась, будто земля обладала волшебными качествами. Даже правильнее сказать, не поменялась, а отре шилась. Она не перестала быть веселой, в принципе бабой, но вектор ее стремлений был направлен все больше в сторону деревни, молчаливых и нескончаемых дел.

Лето – в деревне. Все сразу вспомнилось из детства. Где полянка безоглядная с земляникой. Где грибов белых море. Где травка какая полезная. А как же работа? Я даже сало сама копчу. Чао, работа! У меня уже пенсия, между прочим, досрочная. А в осенне-зимний период я убираюсь в квартире известной артистки, она в группе поет. И еще в одной семье. Нет, мне не стыдно. Я ж не ворую. А что – Саша? Он устроен. У него полставки в банановом институте. В Патриса Лумумбы. В Дружбе народов. Как что делает? Преподает. Архитектуру. А Машенька на журфак пошла. С университетом нет, не получилось, да говорят, что там плохо. Другой вуз. Ну как же там Машу хвалят! Замуж – нет, не вышла. Да что вы, зачем ей замуж.

Действительно, зачем? С подружками, по швейке еще, Маша ходила на дискотеки, с хором ездила на выступления. Отличное время. Анапские лагеря, подмосковные базы отдыха. Институтские сокурсники для дружбы не подходили – кто-то был уже семейный, а кто и с детьми. Мама не контролировала, везде отпускала. Доверяла и любила. А Маша ничего предосудительного и не делала. Сама шила себе наряды, иногда, очень редко, просила купить ей кофточку или платице. Родители не отказывали, изыскивали средства. Не лентяйка в мать, мечтательница в отца, Маша выростала во всегда сияющую, лучезарную и неунывающую девушку. Внешность тоже была располагающей. «Красавица», – сказала однажды ей мать, и Маша ей сразу поверила. Машин природный оптимизм привлекал многих, и мужчин тоже. Даже были отношения в меру серьезные. Но, только встретив Федора, Маша поняла – мое.

А в это время Валентина Егоровна приводила себя в форму. Сначала захотела просто похудеть, элементарно было тяжело носить на себе сто десять килограммов. Тупо ничего не ела, только глотала вату, смоченную в компоте, и пила бесконечные отвары из одной ей ведомых трав. Подруги остерегали, Валя же, получив от земли уверенность, а от Саши долгожданное внимание, с пути не сворачивала, шла, как умела, до конца. И результат начал проявляться. Сперва постепенно, потом стремительно. Саша уезжал в Пятигорск к матери и братьям, почти месяц его не было. Так вернулся – честно не узнал жену. Ноги палочки, попа – сдутый мяч, сиськи тоже уже не подушки, скорее наволочки. Даже вены, всю жизнь вздыбленные на ногах макетом кавказских гор, и те Валя как-то уменьшила, выправила. Правда, и волосы поредели, лицо похудело, сползло, взялись откуда-то многочисленные морщины, на лбу так вполне себе канавки. Но Саша про верхний этаж не стал упоминать. «Здорово!» – сердечно и искренне сказал про впечатление. А Вале вроде бы и не надо уже его похвал. Отсырели чувства. Это она поняла еще в процессе изменения себя.

Чтобы лучше похудеть, стала Валя вооружаться знанием, читать разную научно-оздоровительную литературу. Буквально съедала эти книги, брошюры, скопированные статьи. Слово! Вот где настоящая сила. Понемногу добавляла к этим книгам другие, мистические, эзотерические, даже духовные. И образовывалось в ней драгоценное знание, которое было столь ново и сокровенно, полезно и основательно. Хотя вопросы оставались. В этом случае

Валя записывалась на семинары к умным людям, несущим здоровье, свет и гармонию. Все эти трансформации, медитации, энергии вознесения, балансировки сознания устелили Валин ум плотным ковром прочного плетения, поэтому пылинкам здравого смысла было все сложнее проникать сквозь этот заслон. Читала она много, но остановиться решила на книгах Крайона, который сам себя называл метафизиком, а в Туле его точно бы обозвали американским шаромыжником. А Валя видела в его учении счастье и сама, того гляди, вот-вот бы стала счастливой. Но этому состоянию всегда что-то мешало.

Нет, не близкие. Хотя косвенно. Они не вмешивались. Хочет человек стать счастливым – пожалуйста. Не лезет с проповедями – замечательно. Вся семья при деле. Валя в астрале, Саша в университете, Маша – с Федей. Ах, точно, вот Федька, он помешал.

Ублюдок, сын мерзкой суки, цыганская сволочь, чтоб он на машине перевернулся и кишки у него повывлезли из горла. Чтобы тварь его мать сдохла и сгнила. Машенька моя, москвичка, а этот из жопы вылез. Девочка бедная плачет, пока тот доедет в свой подмосковный поселок городского типа, переживает из-за выродка этого, слезки свои хрустальные льет. Было бы из-за кого.

Если тождество предусматривает предельный случай равенства объектов, то отношения Маши и Феде представлялись Валентине Егоровне запредельным, возмутительным примером вопиющего неравенства. Кто он? Милиционер, образование агроинженерное. А Маша моя – журналист, швея второго разряда.

Валентина Егоровна протестовала. Мечтала, чтобы в одночасье этот Федор превратился в крысу, а его дом в тыкву. Ездил к Машиним подругам, просила, угрожала, умоляла повлиять. Ходила даже в дом «этой цыганки» – такой показалась ей Федина мать. Со скандалом, проклятиями, матюгами... И тут пришло озарение! Заколдовали. Опоили мою Машеньку эти люди, чтобы завладеть столичной недвижимостью. Женится этот урод, разведется и квартиру мою выстраданную отсудит. Вот их подлая бухгалтерия. Как же ты, бедная моя девочка, этого не видишь? Спасать!

Валя медлить не стала. Схватила альбом с фотографиями и прыг в сибирский поезд. Поехала к ведунье, про которую многие говорили «сильная». Та смотрела долго и внимательно весь архив. Потом молчала, чертила схемы на бумаге. Валя нервничала, курила без остановки. Не мешает? Курите-курите. И то, что в итоге ведунья сказала, Валию в прямом смысле контузило. Под ней не мир рухнул, а целиком мироздание.

– Вот этот с ней жил, – тыкала ведунья на фото Бублика.

– Конечно, жил, это ж отец ее, – мирно соглашалась Валя.

– Я в другом смысле, – взяла многозначительную паузу служительница темных сил и торжествующе сложила руки на груди.

– В каком? – Валя не понимала.

– Жил половой жизнью, – было уточнение.

У Вали закружилась голова. Ей, как оператору Урусевскому в фильме «Летят журавли», показался в небе хоровод деревьев. Что-то колючее, мерзкое ее подхватило и несло, ей все верилось: сейчас отпустит, вернет на землю. Что это было? Безумие.

Ведунья говорила еще. Много. Даже слишком. Отрабатывала Валину пенсию, очищала Валину карму. Речь шла о «долгой связи», «стяжательстве близкой к дочери женщины», «черных помыслах», «томящейся душе близкого человека, наверное, дочери». Валя попала в полосу турбулентности, и, если бы не вовремя организованная валидольная концовка визита, сложно было бы делать Валин прогноз на будущее.

Так часто бывает. Кордиамин может вернуть сердце из коллапса, валидол успокоит, корвалол притормозит и усыпит, но где то средство, которое навсегда очистит разум. Маше оно бы очень пригодилось для мамы.

Обрушив на мужа и дочь вновь открывшиеся обстоятельства, Валентина Егоровна при всем этом жалела Машу и очень ярко ругала себя. Почему не уберегла от пидораса? К ситуации подходило слово «педофил», но Валентина Егоровна его пока не знала. Почему допустила, не почувствовала, не узнала. Он дома с тобой или куда водил? Признайся... я знаю прекрасных специалистов... они помогут тебе забыть этот ужас. И я помогу... Мы вместе справимся... Главное – сбалансироваться... Почему ты меня затыкаешь? Пошли все вон!

Маша с отцом вышли из квартиры. Говорить не хотелось, но Саша Бублик все же подумал вслух: «Существует вероятность, что мама немножко сошла с ума». Маша про себя согласилась: «То, что она говорила, свидетельствует против ее вменяемости». И тут распахнулась дверь. Валентина Егоровна, прежняя и спокойная, вышла к лифту. Повернулась к Саше и тихо сказала: «Так, значит, это ты этого ублюдка нашел, чтобы следы замести. Ты нашу дочь под него подложил. Ты в сговоре с этими цыганами. Ты их свел». Вернулась домой и позвонила в Сашин университет ректору. Там обязательно должны знать правду!

Служебное положение позволяло Маше попасть на консультацию к хорошему врачу. Как журналист, она плохо знала медицинские термины, но, описав все, как ей казалось, точно, спросила: «Это шизофрения? Она излечима?» Доктором была вполне молодая еще женщина, и она чуть заметно покачала головой: «Надо все-таки познакомиться сначала с вашей мамой». С настенного календаря на Машу смотрела кошечка. И на столе у доктора сидели фарфоровые кошечки. А под столом стояли красивые туфли на каблуках, которые доктор надевала очень редко. И Маша понимала, что с доктором Валентина Егоровна разговаривать откажется.

Потом доктор объясняла, что при острой шизофрении человек не успевает потерять связи с внешним миром и болезнь может отступить. Маша воодушевилась. К несчастью, доктор продолжала: хроническое течение болезни не дает таких шансов. Это не болезнь воли, как алкоголизм, а просто болезнь, болезнь души и сознания. Маша спросила: «Почему?» – и доктор вздохнула. Она бы сама хотела знать наверняка. Но попыталась описать теорию. Сознание при шизофрении расщепляется, или, как еще говорят, рассыпается. Если про человека скажут: «Он рассыпается», это будет означать, что его ум уже никогда не станет ясным. Его вообще не будет, этого ума. Сначала не будет ума, потом жизни. Все. Конец.

Но Маша была оптимистом. Она и сейчас оптимист, главный принцип: нет гербовой – бери обычную. Жизнь продолжается.

Валентина Егоровна пашет грядки. Еще очень даже в силе, часто и в уме. Ей очень нравятся лилии, но она не любит их латинского названия «гемерокалис». По-прежнему много читает. Лечится только травами и энергией света. Волосы у нее всегда покрашены под цвет костра. Дураки любят красное.

Ненависть, зависть и злость от нее никуда не ушли. К Маше на свадьбу не поехала, даже на регистрацию. Что там делать? Цыгане и этот голубой. Закрутили девку.

Иногда, неуловимыми мгновениями, ей кажется, что мысль ее движется по ложной парадигме. Но секунды не хватает, чтобы осознать это.

Наконец-то Валя живет счастливо, но никто этого не замечает, и еще никто не молится за ее заблудшую душу.

Привет... пока... до завтра...

Как красиво и просто – белые шторы. Любые, даже такие – из простыни, – любовалась Марина плывущими в окне полотнами и одновременно раздевалась. Пуговицы были сделаны под осколки перламутра, а петли тугие, не желающие впускать в себя эту тонкую и острую, совсем неформатную галантерею. Шелк рубашки скользил между пальцами, и там же кружился солнечный свет, расстилаясь щедрым сегментом от окна. По всему врачебному кабинету, по Марине и врачу, который совсем не смотрел на полуголую Марину, а выглядывал в окно, в больничный сад, в траву и цвет, которые казались доктору значительно интереснее, чем Марины белая грудь.

– Руки за голову. – Врач отдавал привычные команды, и Марина медленно выгнула шею назад, подняла руки и закрыла глаза.

Откуда только берутся эти болезни? Вернее, нет, откуда берутся подозрения на них? В случае Марины из ряда признаков: из ощущений, плохих снов и явно чего-то не того, что заставляет интуицию открыть глаза или дернуть в колокольчик, такой маленький, как на последний звонок раньше надевали.

– Не могу сказать ничего плохого. На всякий случай сделаем исследование, – предложил врач. У него было вполне хорошее настроение. День начинался бодро и даже радостно, очередь подобралась почти молодая, даже юная и от того более оптимистичная.

– Сделаем, – согласилась Марина и даже не стала опять бороться с пуговицами. Запахнула блузку, заправила в юбку и шагнула в следующий кабинет.

Там тоже был врач-мужчина. Правда, более многословный.

– Полных лет?

– Двадцать девять.

– Замужем?

Марина кивнула.

– Лялька есть? – уточнил врач, и Марина с досадой покачала головой.

– Аборты?

– Нет...

– Не вижу ничего такого... Хотя...

Марина вроде бы уже вздохнула с облегчением, даже улыбнулась, но эта полуулыбка так и застыла на губах нелепой гримасой. Пока врач приближал изображение на мониторе, вглядываясь в него, зачем-то для этого нагибаясь и зажмуриваясь, Марина была почти спокойна. Но когда на бланке осмотра врач что-то написал красным маркером, два раза обвел и поставил восклицательный знак, Марина испугалась, и этот страх шумел в голове, он будто затмевал разум, закипал мутью, как подсоленная вода, и превращался в ужас.

Она шла на чужих ногах по коридору, прислонялась незнакомой спиной к стене, ждала очереди. Возле страшного кабинета, за дверью которого противное слово «пункция» обретало реальный смысл, чей-то ребенок монотонно катал машинку по полу: «Би-би ту-ту. Би-би ту-ту. Би-би ту-ту». И Марина в холодном поту, в ужасе и отчаянии хотела, чтобы этот ребенок замолчал, не усугублял кошмар и надвигающуюся катастрофу. Все раздражало и казалось враждебным, даже веселая медсестра, которая, открыв дверь, весело позвала: «Кто желает уколоться? Подходи, не бойсь!»

Марина боялась, но пошла и как сквозь муар смотрела на свой снимок УЗИ в чужих руках, жирную черную точку от фломастера на своей груди, на шприц с длиннющей иглой и на кровь, которая капнула на белый кафель из прикушенной от боли губы. Боль здесь была кругом, а за окном плела кудель из минут, часов и дней обычная жизнь в войлочных тапках, и ей совсем не хотелось ходить в гости к жизни этой, между ними не было до конца понимания,

а имелся лишь конфликт, неразрешимый и вечный. В обычной жизни Марину на улице ждал муж, а в этой – анализ, из которого кое-что было неясно, но многое уже определено, и это «многое» давало все-таки шансы. *Venceremos!* Победа будет за нами. Надо было просто ждать. Как сказал врач: «Будем наблюдать». Марина – на блюде – ать, ее на-блюдают. Всего какой-то год, и наступит ясность. Марина предпочла бы, чтобы даже потребности в ясности не было, но ужас, растянутый на триста шестьдесят пять дней, уже вовсе и не ужас, просто неудобство. Но Марина решила сразу: «Леше говорить не буду».

Алексеем звали мужа. Хорошее имя. Ласковое. «Вот Алеша, славный малый, я влюблюсь в него, пожалуй». У Марины примерно так и случилось. Он был славный, она складная. Он фотограф, она журналист. Их профессии состояли в самой что ни на есть интимной связи. Марина и Леша с подобными отношениями тоже затягивать не стали. Но сначала поженились. Скорее от полноты счастья, чем от назидательного перста морали. Так уж им хотелось, чтобы они стали красиво неразлучны. Как Лелек и Болек, как Кржемелек и Вахмурка, как Волк и Заяц. И описывать первую пятилетку их семейной жизни – все равно что пересказывать мультипликационный фильм, настолько интересной, полноцветной, правильной и доброй она была. Но потом яркость ослабла, цвет потускнел. Хотя Марина с Лешей вертели свои жизни и карьеры, как замысловатые кубики Рубика, собирая всегда одинаковые цвета, но постепенно их цвета стали глобально не совпадать. Векторы их стремлений получались разнонаправленными, а мысли находились в разлете. Это случилось как-то не сразу, как растянутый приход зимы, но стало очевидным.

Леша сидел в машине уже полтора часа, заждался Марину из больницы, злился:

– Почему так долго?

– Извини. Задержалась. – Марина не хотела скандала.

– Почему нельзя сразу сказать, что будешь долго?! – Леша тоже не желал скандала, но хотел самоутверждения.

– Я говорила, чтобы ты не ждал, ехал.

– Шайзе! – Леша прекрасно ругался на многих европейских языках, но именно это немецкое слово было у него любимым.

Машина только отъехала от обочины и тут же получила удар «жигулями» в правый бок. Для Леша это было уже слишком. Он бил руль ребром ладони, вторя «шайзе», и Марина радовалась, что она – не этот руль и не те «жигули». Может, не вовремя, но ей показалось, что именно сейчас надо сказать то, что давно уже хотелось. Именно сказать, а не спросить.

– Леш, давай ребенка родим...

– Прямо сейчас? Здесь? На асфальте?

– Можно потом.

Алексей замолчал. Посмотрел по сторонам, как будто высматривал, едет ли наконец эта дорожная полиция. Подумал, еще раз ударил руль, убрал волосы со лба и медленно, как ребенка, объяснил Марине:

– Понимаешь, я не готов... Пока не готов... Пока не готов ответить. Я очень хочу детей... Шайзе!

– Как в еврейском анекдоте. Дети были, дети будут, но детей пока нет, – сделала вывод Марина.

– Нельзя осуждать человека за то, что он боится принять решение, требующее большой ответственности.

Марина отвернулась:

– Ты прав. Нельзя. Семь лет совместной жизни – не срок для подобных решений.

Алексей попытался обратить ситуацию в шутку:

– Может, подождать еще годок?

– Знаешь, если к семи килограммам повидла добавить кило говна, получится восемь килограммов говна.

– Во-первых, ты манипулируешь. А во-вторых, не говна, а говноповидла.

– Нет, Леш. Говна.

Марине хотелось плакать. И это были бы не слезы гордеца, которому в чем-то не уступили, а слезы человека, который пошел не той дорогой, где-то свернул не там, когда-то что-то сказал не так, и путь к исходной точке было уже не отыскать. Тропа заросла прочно, и вместе с этой порослью повзрослела и Марина, так некстати обогнав мужа в основных жизненных импульсах.

Великая красота Мариной профессии заключалась в доступных чудесах. Вот ведь как обыватель думает. Приедет журналист, напишет в газету о наших трудностях, и они сразу прекратятся. Дадут нержавеющую воду, отремонтируют дорогу, увеличат финансирование. Что там еще? Уморят всех соседских кошек числом сорок штук. Но чудеса случались редко. А редакционные летучки служили для них сортировочной базой и бывали куда как чаще.

Главный редактор Сергей Петрович Алексеев по-настоящему уважал две вещи – диалог и сигары. Считалось, что он бросил курить, а сигары – так, баловство. И вот он сидит в своем кабинете, в сизом дыму, под парадными фото и юбилейными номерами родной газеты, засунутыми под специальное антибликовое стекло, смотрит на посетителей, а те в свою очередь – на чучело белки, прибитое к стене. Белку когда-то искусственно расширили, сделали толстою, с подносом, на котором сложной вязью написано: «На орехи», и денежки положили разной ценности.

– Петрович, ты пойми. Очень надо. Хорошие люди. Помощи просят... Сейчас уже не осталось никого, похожего на тебя. Все, блин, хотят повторить тебя. Но доверяют только тебе. Ты настоящий. Легенда. Обоюдно. Такое дело. И по бизнесу – не нуляк. Только и всего – привлечь взгляд. Поставить вешку.

Сергей Петрович и похвалы любил, но утренние гости его немного пугали.

– Ген, хероплет ты... А ты, Ген, слыхал, что в цирке слоны пьют? – Главный игриво выпустил дым. – Да. Ведро спирта на бочку воды.

– При чем тут? – Гена умел не слышать сарказма.

– Вот это – бизнес! Зима долгая. Слоны мерзлявые. Помоги лучше слонам, Ген.

– Ну, пошли человека, Сергей Петрович. Чего тебе стоит?

В дверь постучали, и с вопросом «Можно?» в кабинет просунулась чья-то голова. Сергей Петрович встал, протянул посетителям руку, извинился:

– У меня летучка. Буду думать...

В кабинет вошли сотрудники, расселись вокруг стола и на диван, который находился поодаль. А Сергей Петрович все стоял в командирской печали, мусолил сигару, молча осматривал подчиненных и так же молча кивал на их приветствия. И вдруг спохватился:

– Авдеева где?

– У нее еще закрыто, Сергей Петрович.

– Тогда начнем.

И тут распахнулась дверь, и Марина в чем-то легком, голубом, улыбнувшись, спросила: «Пустите?» И он хотел было злиться, но тут же остыл. Как она это умела! Не «можно», не «я войду», не «извините», а простое такое словечко, и злость сгорела. Сергей Петрович, конечно, любил Марину, но своею, какой-то неклассифицированной любовью, любил как искусство невозможного, как радугу после дождя.

– Опоздываем, Авдеева.

– Простите. – Марине было нетрудно извиниться.

– Обсудим номер. Выберем гвоздь. Прошу высказываться.

Горский князь Нодар Маглобашвили, временно трудящийся в отделе преступности, воспользовался разрешением:

– Что тут высказываться. Авдеева в очередной раз консолидирует успех.

Сергей Петрович официальным тоном уточнил:

– Авдеева умеет работать. Правда, не всегда хочет. Зато когда хочет... В отличие от тебя, Маглобашвили.

– Мужская грудь не бабья ляжка, Сергей Петрович. – Нодар тоже любил диалог.

– Тебе надо писать словарь. У тебя всему есть емкое объяснение, – порекомендовал Сергей Петрович.

– Я попробую.

– И вообще, я попрошу беречь время не для болтовни, а для плодотворной деятельности. – Главный начал злиться, поэтому легучка вернулась к традиционному сценарию. Обсуждение. Полемика. Стук начальника кулаком по газете. Коллектив выборочно дремал, потихоньку чатился. Кто внимательно слушал, кто говорил, кто спорил. А Марина смотрела в окно.

Через дорогу от редакции дремал жилой дом, старой еще постройки, довоенной. В Ленинграде похожие на него строения называли «кировскими» или «слезой социализма». Хотя почему сразу слеза? Высокие потолки, балконы. Масштаб и воздух. А Марине нравилось смотреть на одно окно с тяжелыми шторами и большой, немного театральной люстрой. Часто в этом окне она видела девочку, которая красиво сидела за фортепиано и, вероятно, так же красиво играла. Весь интерьер квартиры был необычным, от него веяло если не счастьем, то благополучием. Марина смотрела не отрываясь до тех пор, пока девочка не сняла руки с клавиш и не опустила их на колени.

– Марина? Марина Дмитриевна! – Из задумчивости ее вернул окрик начальника.

– Да! Я тоже так считаю. – Марина научилась отвечать на все, даже на неслышанные вопросы.

– Ты тоже считаешь, что нет политики далекой от реальности? Ты же у нас ответственная за социалку. Твоя полоса так и называется – «Человеческий фактор». И ты так считаешь? Вот! Вот вы посмотрите! Я окажусь прав.

Коллектив загудел:

– Похоже на мантру.

– Или на басню.

– На ораторию.

– Давай я тебя посчитаю, – предложила Анечка. – Вышел месяц из тумана...

– Отстань от тети Марины, – одернула дочку Настя.

Они были сестры. Марина и Настя. Родные и разные. Все с пометкой очень. Очень родные и очень разные. Сейчас было невозможно представить, что когда-то Настя бросила в Марину утюг и разбила сестре бровь.

– Погодки. – Мать даже не разнимала дочек. – У них конкуренция. Что вы хотите? Теперь все дети такие. Вот Шишкины, двойня, брат с сестрой, а в бассейн на разных автобусах ездят. Так ненавидят друг друга.

У Марины с Настей тоже могло так получиться, но жизнь устроилась хорошо и поводов для личной неприязни не оставила.

– Знаешь, Настя, как-то все сложно стало. – Марина не жаловалась, рассказывала.

– Да так и было.

– Нет, не было, иначе бы я не выходила замуж.

– Любовь, чувство, пульс. Ты была слепая.

– Тогда уж слепоглухонемая.

– Теть Марин, а мы зайдем в магазин? В магазин пойдем? А? Теть Марин! Я хочу в магазин. Купим папе водки, а маме вина. – Девочка тянула за руку и озвучивала первостепенные потребности семьи.

Настя, не слушая дочь, придумала выход:

– Может, Марин, тебе найти кого-то?

– Ты не понимаешь. У меня семья разваливается и рушится.

– Вот и я про то же. Должен же кто-то собирать обломки.

Марина тускло улыбнулась:

– Камнепад... А ты, Ань, что больше любишь? Карамельки или шоколадки?

– Я люблю сардельки!

Их и купили. А также водки, зелени и конфет. Настя любила, чтобы было немного пьяно. Марина же хотела, чтобы Насте было хорошо. Хотя по большому счету хорошо той давно уже не было. У Настиного мужа была вполне себе даже официальная любовница, которая отличалась от своих многочисленных коллег тем, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не хотела замуж за Николая. Она так ему однажды и сказала: «Люблю тебя как сумасшедшая, но замуж за тебя не пойду». Он и звать не собирался, но упреждающая декларация ему понравилась. Николай полюбил еще сильнее. А она все тянула из Коли невидимую жилу, наматывала себе и ему вокруг шеи и все крепче держала. И ни веселая жена, ни симпатичные дочери, ни собака такса, ни пожарские котлеты, ни сочные хачапури не могли вернуть Колю в дом. Он приходил с работы, молча съедал ужин и ложился смотреть телевизор. Спортивный канал. Насте казалось, что ему все равно, что смотреть, он не переключал даже соревнования людей с ограниченными возможностями. Так было и в этот раз. Настя побежала встречать, льнула, а он:

– Привет. Пожрать есть? Я там поем, – кивок в сторону кровати. И все. Программа встречи выполнена, далее следует программа передач.

– Пошел смотреть свой спорт. Трындец. Ему похер что смотреть, лишь бы имел место быть элемент состязания.

Марина пыталась пошутить:

– Как он только успел тебе детей сделать?

– Это было до того, как мы антенну купили и «Спорт» появился. А сейчас – что? Я поправилась, если не сказать разжирела. Все прет меня и прет. Стала похожа на бульонный кубик. Тетка с вместилильным тазом без вредных привычек: не курю, не гуляю, не работаю. То ли дело молодость. Секс, наркотики, рок-н-ролл. Теперь я могу потянуть только секс, и то с некоторыми ограничениями. Знаешь, сестричка, когда ты начинаешь осознавать слова «возраст» и «измена» костями, все удовольствия в жизни могут заменить булки.

«Значит, знает про ту», – поняла Марина. Ей было жалко сестру, жалко себя и особенно было жалко Колину любовницу, которая имела убыточную любовь и всеми силами надеялась получить в один скорый день от этой любви самую наглую прибыль. Марина шла к Насте, чтобы рассказать свое горе, но решила, что пока не надо. Рано.

– Теть Марин, а почему Катя говорит, что от мамы с папой венками пахнет?

– Какими венками? – хором уточнили Настя с Мариной.

– Венками!

– Какими венками, дочка? Ах! Венками! Ты слышала? Где набралась-то? Ща получишь!

– Это не я, Катька.

– А ты зачем повторяешь?!

Все было как в их детстве. Но все было иначе.

Рано утром Марине надо было уезжать в командировку. Поэтому собираться лучше с вечера. Марина вошла в квартиру, повесила ключ на специальный крючок – Алеша определял каждой вещи свое точное место. И фотографиям, конечно. Хотя фотографий в их доме

могло было быть и больше. На одной незначительной стене висели лишь счастливые свадебные, немного военных, пара жанровых. На полу у порога стояла большая дорожная сумка и кофр с профессиональной фотоаппаратурой. «Тоже уезжает», – сказала тихо Марина.

Алексей выбежал встречать, по сравнению с тревожным утром выглядел виноватым.

– Уезжаешь? – Для начала разговора Марина спросила очевидное.

– Да, – согласился Леша.

– Далеко? – Марина знала ответ, но опять уточняла.

– Как обычно.

– Понятно.

Леша нежно, без агрессии, пытаясь обнять, медленно спросил:

– Что?.. Что... тебе понятно? – прижал Марину к себе, погладил по голове. – Я – человек войны. Был человек дождя. А я человек войны. Мне интересно там как фотографу. Это не вопрос денег, престижа и премий. Я еду туда конкретно работать.

– Да-да. Я все знаю. «К Вам письма в сентябре придут, а он убит еще в июле».

Алексей не любил долгих объяснений, подошел к зеркалу, решил отвлечь:

– Может, мне подстричься? Сейчас модно так, знаешь, здесь много, здесь мало.

Марина улыбнулась:

– Здесь много, а здесь мало – это я, – и показала на себя, на грудь и ниже спины.

– Я серьезно.

Марина кивнула:

– Человек-собака. Эта стрижка называется человек-собака.

– Официально? – Леша не поверил.

– Нет, у люмпена.

Не хотела обидеть, но расстроила. Но у Леша был иммунитет к обидам. Редкое и часто уникальное качество. Вроде бы оно ничем конкретно не помогало, но делало жизненный путь гладким. Даже на войне.

Как фотограф Леша мог снимать модели, архитектуру, репортажи, а выбрал почему-то войну. Считал, что война несет некую очищающую силу. Открывает в человеке доселе не проявленные черты. Что надо было ему очищать, человеку, который не чувствует обид, было неясно.

«Ужас войны в ее обыденности. В том, к чему привыкаешь, к ощущению чужой смерти, отсутствию бытовых условий. Я антиобщественный человек и знаю свое место на войне». Вот так говорил Леша о себе незнакомым людям, но Марина знала, что это половина правды. Другая ее часть заключалась в нежелании вести оседлую жизнь, но Леша этого никогда не озвучивал, он же не цыган, для которого подобное – привычно. «Зуд ног», – говорила о нем Настя. Лешаиной основной творческой религией была война, и он с одинаковой радостной готовностью вступал в бой за хороший кадр, новый оргазм, вкусный плов. Не боролся Леша только за Марину, она, по определению, была частью его самого и не требовала завоевания. Поэтому уже на рассвете, когда было еще непонятно – ночь или утро, – Марина встала закрыть окно, Леша притянул ее к себе за край сорочки и не отпускал долго, до тех пор, пока утро не вышло на работу, пока силы у обоих не закончились.

– Ты из Внукова летишь? – спросила Марина, наспех причесываясь.

– Из Шереметьева.

Марина отложила расческу:

– На какую войну можно лететь из Шереметьева?

Леша шуточно взял Марину за кончик носа.

– А какая работа может быть в Ханты-Мансийске?

– А что не так? – Марине было не до шуток.

– Я не буду тебе рассказывать. Тебя подбросить?

– Нет, я на автобусе.

Они вышли из дому и какое-то время шли рядом, даже умудряясь при всем багаже держаться за руки. Марина думала: «Все хорошо». Леша знал: «Все прекрасно». Они дышали с одним интервалом. А потом Марина села в автобус, а Алексей спустился в метро.

Рейс до Ханты-Мансийска напоминал пригородный рейсовый автобус. Марина и про сам город думала – небось по колено заваленный рыбьей чешуей, пустыми пластиковыми бутылками и бетонными осколками. Оказалось наоборот.

Водитель Марине охотно рассказывал:

– Хорошо у нас. Зелено. Красиво. Но так не всегда было. Вот этот губернатор хороший. И до этого хороший был. А до того здесь коровы по улицам бегали, а вместо дорог доски лежали. Марина представила, как могут бегать коровы.

Водитель был ангажированный, из администрации, но говорил искренне, хотя наверняка понимал цель ее визита.

– А вы Путина видели?

Марина кивнула.

– Как меня? – Водитель, видимо, задавал этот вопрос всем гостям.

Марина кивнула несколько раз.

– Он красивый?

Марина промолчала.

– А че у вас одежды так мало? – Водителю было интереснее говорить про Путина, чем про Маринину сумку, которую он выгружал, аккуратно ставя на асфальт.

Гостиница была стандартная для этих мест. Трехэтажная. С претензией на красоту и с неработающим сливом унитаза.

Несмотря на то что на улице еще было светло, Марина закрыла плотные шторы, легла на огромную кровать и заснула.

Ей снился Леша, будто он никуда не поехал, что-то там у них отложилось, и он вернулся. Скучал. Хотел лететь к ней. Но подвернулась халтурка. Нормальные деньги, и ехать никуда не надо. Деньги тоже были Лешиной религией, но не главной.

Марина проснулась от настойчивого стука в дверь и поняла, что сон был не сон, а самый нормальный полуночный разговор. Леша в Москве. А она здесь, и надо вставать и открывать дверь.

На пороге официантка с заученной фразой:

– У вас завтрак входит в стоимость проживания. Он через десять минут заканчивается. Вы будете завтракать?

Марина хрипло спросонья спросила:

– А что за завтрак?

– У нас легкий. – Официантка улыбнулась, мол, знаю я вас, худых.

На столе стояла тарелка каши, тарелка с оладьями, миска со сметаной, блюдо с сыром и колбасой, два кекса и чашка кофе.

– Вы принесли мне все, что не съели другие постояльцы? – Марину удивил масштаб завтрака.

Официантка растерялась:

– Менеджера позвать или кушать будете?

– Буду кушать. – Марина сдалась.

Губернатор был хорошим мужиком – ширококостным, мордатым, уверенным в себе. Лютым хозяйственником. Об этом знали все. Президент и Марина тоже не исключение. Но у губернатора, как у истинного стратега, стояла цель на самые дальние политические маршруты.

А для этого надо было очень грамотно освободить некоторые краевые валентности. Отчасти поэтому Марина оказалась здесь.

– Конечно, нам нужны преференции. Они нам необходимы. Но так может сказать кто угодно... Надо зарабатывать с прибылей, а не воровать с убытков. Надо... – Губернатора прервал телефон, и его помощник тут же отдал Марине команду выключить диктофон. – Да. Хорошо. Занят. Перезвоню. Откуда я знаю, какой у меня размер талии. Не нужен мне новый ремень. Говорю – перезвоню. Извините. Супруга. – Последнее адресовано Марине. – Так вот... Надо скоординировать федеральные целевые программы с концепцией развития округа и строго придерживаться политики мощного и свободного Российского государства. – Ему самому понравилось сказанное, он расправился и продолжил: – Сейчас мы должны ясно понять, что мы хотим увидеть здесь через десять лет и через пятнадцать. Нельзя рассуждать как на Западе. У вас есть сырье – ну и сидите ровно, поставляйте его нам, а мы вам за это будем давать доллары, на которые вы будете покупать наши товары. Мы для себя таких перспектив не хотим. Как, я думаю, и руководство России. Только руководство страны хочет этого сознательно. Народ, возможно, подсознательно. Понятно излагаю?

Марина кивнула.

– Ну, есть... – Губернатор отпил из чашки с орлом. – Вы охватили все предполагаемые пункты поездки? Три дня не мало? – спросил губернатор и грустно посмотрел на плечо Марины, где через рубашку просвечивала кружевная лямка сорочки.

– Да, я все успела.

– Рад. Очень рад, что вам все удалось, Марина, – улыбнулся губернатор так, как умеет человек, равнодушный ко всякого рода пороку. – Теперь попрошу вас на наш праздник, на торжественное мероприятие. Сам смогу только к вечеру освободиться. Присоединюсь.

Марина выключила диктофон и закрыла блокнот. Помощник принес ее сумку, находившуюся все это время за пределами верховного кабинета. В целях, надо полагать, безопасности.

Мероприятие, на которое звали Марину, было приурочено к открытию или закрытию какого-то фестиваля, вроде бы телевизионного. Марине это было неинтересно. Но идти надо. Официальная традиционная программа. Слияние рек Оби и Иртыша. Обед. Дорога домой. Вечером прием у губернатора. Все, похоже, как везде, за исключением слияния, до которого надо было плыть, или, как говорят, идти водой. Марину заботливо провожали:

– Можно сидеть здесь. Можно выйти на палубу. Сейчас отплываем. Лучшие люди города...

Плыли не долго. Среди широкой водной глади судно остановилось. Людей на палубе прибавилось.

– Это и есть, если вам интересно, слияние рек, – обращались к Марине, и она обернулась. Увидела мужчину средних лет, с пронзительно умным и спокойным взглядом.

– Вадим. – Мужчина тут же представился.

– Марина... – И добавила без кокетства красивое слово «слияние».

Вадим смотрел на ее свитер с необычными рукавами, натянутыми на большой палец, как обрезанные варежки.

– Разрешите? – Вадим взял руку Марины в свою. – Никогда такого не видел. Фантастика.

Марина в смятении отдернула руку и тут же протянула обратно, надо было спускаться на берег.

На берегу стояли свежесколоченные, богато накрытые столы, сцена ракушка и деревянные туалеты. Несколько рыбацких лодок соседствовали с их теплоходом. Рыбаки в новенькой оранжевой форме, за сценой народный ансамбль в кокошниках, на сцене громкая музыка из колонок, а вокруг абсолютная пустота – песок и вода. Такого Марина за всю свою командировочную практику еще не видела.

– Выходим, гости! Просим на берег! Милости просим. Сейчас мы покажем вам промысел муксуна и пригласим отобедать, – орал распорядитель в мегафон.

За сценой началось оживление. Выбежали женщины с хлебом-солью. Но, вовремя не получившие инструкций, не знали, кому его подносить, метались в отчаянии перед толпой.

– Что такое муксун? – спросила Марина, и вышло так, что рядом стоял только Вадим.

– Рыба... Хорошая рыба. Большая часть моей юности прошла под эгидой консервов «Муксун в томате».

– А под эгидой чего проходит ваша зрелость? – Марина развеселилась, и в этот момент хлеб-соль поднесли к ней. Марина озадаченно посмотрела по сторонам. Сзади ее подталкивали корпулентные дамы из администрации:

– Сделайте одолжение.

Марина с улыбкой отломилла хлеб, макнула в соль. Откуда-то появилась рюмка с водкой. Она и ее выпила. Чудесный день. Солнце, блестящая река, белый песок, предвкушение грандиозной пьянки, объединяющее людей, и легкий теплый ветер, который хочется спрятать под несуществующую косынку, чтобы он там гладил волосы и принадлежал только ей одной.

На сцене орали русские народные песни. Возле воды жарили шашлык из рыбы и мяса. Марина сидела в окружении мужчин, счастливо улыбалась. Ей было весело и хорошо среди этих людей на этом празднике.

– Ты, Марин, оставайся у нас. Мы тебя на радио устроим. Или в телик, на передачу. Будешь сменным интервьюером, – предлагал Марине сосед справа.

– А что я мужу скажу? – хохотала Марина. – Осталась в Сибири?

Вадим тоже сидел за их столом, слушал внимательно весь этот необязательный треп, смеялся вместе с Мариной и тоже полюбил этот день, который не нес ему поначалу ничего доброго, а лишь сплошные служебные обязанности и чиновничьи радости.

Закончилось все великим немым – кино. Показывали дрянную историйку. Теплоход. Диван. Кругом люди. На диване два человека. Мужчина и женщина. Марина и Вадим. Они целовались. Просто так. Если к этому занятию вообще уместна характеристика «просто так».

Потом Марина оказалась в одной из главных поз йоги – в позе Шавасаны, называемой еще позой трупа, в кровати гостиничного номера. Одетая. Даже с натянутыми на большой палец рукавами.

Опять Марину будил стук в дверь. Но на этот стук – она знала точно – надо было встать. И встала с большим, правда, трудом. То, что с ней происходило, не имело отношения к синдрому Корсакова или если легче – алкогольному параличу. Марина просто устала и хотела спать, чтобы заодно подавить гравитацию к полужнакомому мужчине, который стоял в коридоре и деликатно стучал в ее дверь.

Вадим не жил в Ханты-Мансийке, только наездами работал. Контролировал бизнес, большой, основательный и успешный. Как и сам Вадим. Успех был естественной формой его существования. Он научился добиваться всего, не поступаясь при этом ни одним из своих принципов. Вадим был порядочным человеком, насколько это возможно в реалиях капиталистического строительства. И честным семьянином. Но Марина этого не знала и не хотела знать. Она же не роман с ним заводит. Поцеловались один раз в угаре. Неприятно как-то вышло, но поправимо.

Вадим зашел в Маринин номер, сел на кровать, убрал волосы с ее лица, провел по ним нежно:

– Муксун в томате.

Марина вяло улыбнулась и честно призналась:

– Мне стыдно.

– Не страшно.

– Я целовалась...

– Мы целовались... – поправил Вадим и без издевки сказал: – Хорошо, что ты это помнишь... – И Марина сразу успокоилась. Поняла, что все – проехали. Остановка Бирюжайка, кто приехал – вылезай-ка.

– Надо на прием, Марин, – тихо сказал Вадим. – Я отпустил твоего водителя.

– Спасибо, – сказала Марина и встала.

Коктейли. Поросята. Фазаны. Симфонический оркестр. Не хватало только жар-птицы. Но все это великолепие вызывало у Марины тошноту. Ее подводили к каким-то людям, знакомили. Подозвали к губернатору, который сиял счастьем ученика на каникулах и оглядывал Марину с интересом, а особенно ее платье. Красивое, простое, но с выразительным декольте. Марина умела такие носить, а жена губернатора нет.

Скоро все эти люди как бы слились в хоровод. У Марины закружилась голова, и она, улыбаясь, стала пробираться к выходу. Следом за ней выбежал Вадим:

– Я тебя потерял.

– Ты меня еще не нашел.

Вадим обошел скамейку, на которой сидела Марина, встал сзади и осторожно повернул плечи Марины немного вбок:

– Видишь, там, где свет, трасса. До Тюмени. Дорога в один конец. Ханты – не транзитный город. В него можно только приехать. Через него нельзя проехать насквозь. Завтра я повезу тебя по этой дороге. Она такая пустая. Можно ехать час и никого не встретить. Особенно красиво в марте. Едешь по фиолетовой земле. Небо малиново-розовое, а земля от него сиреневая такая.

– Я завтра уезжаю, – напомнила Марина.

– Тогда поедem сейчас. Будем ехать-ехать, пока...

– Вадим, я мужу не изменяю. Совсем, – зачем-то добавила Марина.

– Я знаю, – сказал Вадим.

Они ехали в гостиницу, хотя спать Марине уже совсем не хотелось. Вадим рассказывал ей о своем романе с Сибирью. По сути, это была нефтегазовая повесть, но Вадим отмечал другое:

– Я как приехал, сразу влюбился. В одно мгновение. Для мужчин в общем-то это несвойственно. А тут раз вышел из машины и понял, что я люблю этот город. Не за красоту. Какая здесь красота. В нем все совершенно другое, даже движение воздуха. Похожее было, когда с родителями в детстве на море приезжаешь. Ты когда с родителями на море ездила, так чувствовала?

– Я не ездила на море с родителями, – ответила Марина.

В ресторане гостиницы гуляла свадьба. Гости с повязками свидетелей курили возле дверей. Остановили Марину с Вадимом, протянули рюмки, похожие на пол-литровые банки:

– Пьем за молодых!

Марина с Вадимом нехотя взяли, отпили немного. Гости свадьбы со словами: «Эх, Москва», сделали по глотку, уменьшив объем, грохнули посуду об асфальт. В зале объявили медленный танец. То ли дамы приглашают кавалеров, то ли, может, наоборот.

Вадим пригласил Марину. Они танцевали в ее номере. Между кроватью и шкафом прямо в верхней одежде. Потом уже без куртки и пальто сидели на кровати и эмоционально рассказывали друг другу о чем-то, что, кажется, не имеет смысла, но из чего состоит калейдоскоп жизни. Им было хорошо вот так, рядом. Интересно. Весело. В одном кислороде. Они уснули одетые, когда свадьба уже дралась. И проснулись от оранжевого солнца и забытой песенки «Do you love me», под которую свадебные гости отъезжали по домам, а официанты забирали себе недопитое спиртное и заворачивали в фольгу остатки поросенка.

Вадим купил на рынке для Марины рыбу. Попросил завернуть в два слоя плотной бумаги. Взвесил на руке – не тяжело ли ей будет? Нормально.

Они все-таки проехали по тайге, по пустынной дороге, проложенной сквозь нескончаемое болото бесстрашной рукой покорителей сырьевых недр.

В аэропорту надо было прощаться. На регистрации спросили:

– У вас только ручная кладь?

– Да, – ответила Марина.

– А это что? – Сотрудница аэропорта кивнула на связку с рыбой.

– Это щука. А вот это – муксун, – пояснил Вадим.

В этот момент они и сами были как муксун и щука, связанные капроновым шнуром вместе, прижатые обстоятельствами друг к другу, как на блюде, но понимающие, что их конечно же разделят.

– Знаешь... – Вадим переключивал из руки в руку телефон.

Марина забрала телефон у Вадима и положила к нему в карман:

– Не говори. Не надо. Я очень хотела изменить жизнь, но похоже, что жизнь изменилась сама. Прощай.

На борту самолета было очень мало пассажиров. Должны были лететь спортсмены, но не успели или не захотели успеть.

– Вы можете сесть куда захотите, но желательно не в хвост. Лучше поближе, в бизнес, – объяснила бортпроводница.

Марина шла по проходу мимо пожилого, очень уважаемого мужчины. Он предложил:

– Садитесь поближе. Будет с кем разделить обед. – Достал движением фокусника бутылку виски и потряс ею как приманкой. – Как говорится, летать трезвым приятно, но непривычно.

Марина села от него через проход:

– Я пить не буду.

Мужчина не расстроился:

– Я сам выпью. А что ж, Вадим Сергеевич с вами не полетел?

Марина обескураженно посмотрела на мужчину.

– Да, моя суровая нимфа, ховайтесь в жито, вас видел уже весь город.

– Я думаю, что это еще не повод для совместного полета. – Марина злилась.

– Не могу с вами спорить. Но, учитывая, что Вадим Сергеевич проживает в городе-герое Москве, я мог предположить такую возможность.

Маринин сосед выпил и с наслаждением закурил. Бортпроводница невозмутимо подала ему пепельницу.

Уже в Москве он заинтересовался:

– Вас встречают?

– Нет, – сказал Марина.

– Я могу подвезти, – предложил попутчик.

– Не беспокойтесь. Спасибо.

Марина пошла по трапу, и чем ближе становилась земля, тем дальше казалась сибирская иллюзия. Как говорит Настя: «Вырви глаз и закопай». Марина так и решила. Подумаешь? Идеальная любовь может быть только призраком.

Издаലെка Марина увидела свет в окне своей квартиры и свет в квартире сестры Насти. Но пошла сначала к себе домой. Открыла дверь, позвала:

– Леша?

И только потом увидела на полу женские сапоги с уродливо надломленными голенищами, чье-то пальто с чудовищным меховым воротником. Марина медленно прошла на кухню, где за столом сидел ее муж с новой стрижкой и с незнакомой девушкой. Оба полуодеты.

– Причесочка зачетная. – Марина смогла сказать только это и выбежала на улицу.

«Вот тебе и прилетело, Марина, за все. Вот и получай – веником по морде. Заслужила». – Мысли были быстрые, но очень конструктивные. Из припаркованной машины слышался прогноз погоды: «Ожидается переменная облачность, без осадков, только днем в северных и западных областях небольшие осадки, преимущественно в виде мокрого снега». В Хантах идет снег, а здесь идет концерт. По особым заявкам.

Марина сидела у Насти и плакала. Даже Коля оторвался от телевизора. Как бы сочувствовал, на деле – выведывал, чтобы сразу, как только Марина уснула на их кухне, пойти во двор гулять с собакой и рассказать другу Лехе все обстоятельно и точно.

Утром Марине не было плохо, просто казалось, что из ее сердца вынули какой-то важный кусок. Его отсутствие не мешало движению, но теперь навсегда ограничивало жизнь рамками «до» и «после».

Пришла Настя, позвала:

– Вставай, Марин. Звонили с работы. Машину за тобой послали. Куда-то там надо съездить срочно. Я сказала, что ты болеешь, по-моему, сам главный звонил, говорит, что в машине болеть легче. Насчет вчерашнего ты не переживай...

Настя скорчилась, как от судороги.

– Насть, ты чего? – Марина спрыгнула с верхнего этажа детской кровати.

– Не знаю, опухла вся. Наверное, почки. Ты же знаешь мои почки. Надо к врачу сходить. Но как представлю эти мытарства... – Настя умела успокаивать.

– А ты не ходи к врачу, сразу «скорую» вызови. Они тебя в больницу привезут, все быстро посмотрят, и уйдешь под расписочку домой лечиться.

– Это выход, – согласилась Настя.

С улицы сигналила машина.

– Ладно, поеду. – Марина опять была полностью одета.

– Вторую ночь сплю одетая. Скоро сроднюсь с этой одеждой, как лошадь со сбруей.

– Потерпи, Марусь, – робко предложила Настя.

– Это ты потерпи, это ведь у тебя почки.

Ехать надо было в сказочное место – школу военных поваров. В рай военного изобилия.

– Вы из газеты? Проходите. По территории будем передвигаться на нашей машине, – предложил прапорщик на КПП и подал Марине руку, усаживая в уазик.

Марина выглядела усталой, сияла синяками под глазами и совсем не хотела работать. А командир все говорил и говорил:

– Среди военных поваров был даже Герой Советского Союза Иван Середа. В 1941 году он кинулся на вражеский танк с топором и прогнул пулемет. Здесь... – командир прошел чуть вперед от стенда с фотографией героя, – макет с обозначением места продуктовой службы. Видите? Первая линия обороны, вторая, третья, а вот здесь... – торжественная пауза, – продуктовая служба. В Великую Отечественную войну было всего тридцать восемь передвижных хлебозаводов и ни один из них войска не потеряли!

Прапорщик стоял рядом и активно кивал. Потом пошли дальше, уже без командира.

– Наша школа военных поваров здесь имеет посадки. Огурцы, томаты...

Марина остановила взгляд на зацветающей розе.

Прапорщик пояснил:

– А это мы имеет цветок розы. Извините, при всем желании не могу подарить. Растим для юбилея жены командира. Пройдемте. Здесь мы имеем свинарник. В свинарнике имеем сто двадцать пять свиной.

Марина с раздражением предположила:

– А свиньи имеют вас.

– Что вы сказали? – Прапорщик не расслышал.

– Ничего существенного. – Марина махнула рукой.

Двинулись в овощехранилище.

– Здесь мы имеем заготовки. Каждый солдат в день имеет норму закатывать в среднем по пятьдесят банок. Ознакомляемся. Имеем: варенье из арбуза номер один, варенье из арбуза номер два, варенье из арбуза номер три.

Марине казалось, что она теряет терпение.

– Варенье из арбуза номер четыре, – продолжал прапорщик. – И... – еще одна значимая пауза, – арбуз маринованный.

Марина уже не слушала. Молча принимала гостинцы, молча обедала в солдатской столовой, молча смотрела, как пекут хлеб на полевой кухне. Вот свежую буханку брала с искренней благодарностью. Даже поцеловала, чем умилила военнослужащих.

Они многого ей не сказали, чего она сама о них знала, например, того, что во вторую чеченскую кампанию многих из поварской школы отправили не на кухню, а наводить БМП. Эти мальчишки умели делать только домашнюю колбасу и самолепные пельмени, но командование сочло, что именно они должны дополнять экипаж боевой машины пехоты.

Первый раз за последнюю неделю Марина прекрасно выпалась. Она не поехала ни домой, ни к сестре, а пришла в пустую квартиру детства и была счастлива, что мать уехала отдыхать. Марина легла на свой детский диванчик, обняла какую-то старую игрушку, липкий пыльный мех – мать не умела стирать подобные вещи, – и поняла, что стало легче, появилась возможность чуть-чуть дышать, а не захлебываться обидой.

Сергей Петрович встретил утром на летучке бодрую Марину.

– Так, Авдееву спрашивать не буду. Она у нас совершила хадж в нефтегазовый рай, поэтому она не в теме. А кто еще что предложит? Мы не можем который раз влудонивать инфляцию. Я хочу генерировать идею позитива. А кругом одни оборотни в погонах.

Марина привычно смотрела в окно напротив. Девочки, за которой она наблюдала в прошлый раз, за фортепиано не было. Инструмент закрыт белым чехлом.

– Марина. – Начальник умел прогонять задумчивость.

Говорить первым хотел он, но Марина обогнала:

– Я хочу отпуск взять. За свой счет, или, может, мне там и обычный полагается?

– Ты чего, из-за вчерашнего, что ли? Ой, обидели мышку, написали в норку. Марин, очень надо было, эти военные, ты сама знаешь, им или сейчас, или никогда. А у меня вчера ты была в доступности. А там такое дело... Прямо трибунал. Сама понимаешь.

– Да я не поэтому.

Сергей Петрович воодушевился:

– Скажи мне, что там в Сибири?

– Как обычно.

– Шубу не подарили?

– Да нет. – Марина ухмыльнулась.

– Евпати коловрати! Ты молодец! Хорошо съездила. – Сергей Петрович не смотрел в глаза, смотрел в лист бумаги, на котором весь разговор что-то рисовал. Он знал, что разговор будет трудным, и так лично ему было проще.

– В смысле?

– Ты на что надеялась? – Начальник перешел на особый вид крика – зловещий шепот. – На конец света? Что все ослепнут? – И добавил как заговорщик: – Между прочим, он человек не только известный, но и...

– А я-то думаю! Вы вот про что! Поднялись шлюзы! – Марина резко встала. – Да мне плевать слюнями.

– Сядь! Это не мое в принципе дело. – Начальник вздохнул. – Главное – чтобы ты была счастлива, Авдеева. Фабрики – рабочим, земля – крестьянам, а лучшие девушки – лучшим мужчинам.

– Сергей Петрович, я сейчас заплачу.

– Ох, Авдеева, не надо. – Он переходил на фамилию в особо сложные производственные минуты. – Грустно мне будет без тебя, пока ты в отпуске... Давай так. Ты съезди в сторону Золотого кольца, сделай дело. А потом в отпуск. Вот тебе телефон, договаривайся. Там как-то все с креном, мутно, но меня очень просили помочь. Генка просил. Знаешь Генку? Не важно. Приехала, послушала, записала. Уехала. Все. Не вникай. Поняла? Не вникай.

Что-что, а вникать Марине не хотелось ни во что. Она вошла в свой кабинет, села за стол. Посмотрела на букет в трехлитровой банке – вязанка поздних астр. Подумала. Взяла записку. Прочла. Обернулась к коллеге:

– Оль, может, пообедаем?

– Давай попозже.

Марина еще раз прочла записку.

– Ты, Марин, сегодня на Неделю моды идешь? Сто лет не ходила. Вон там тебе конверт с приглашением принесли. И мне принесли. Пойдем! – предложила Оля.

Идти не хотелось, Марина вяло протянула:

– Я не знаю.

И тут открылась дверь в кабинет, и появился старец с седой бородой, с прорехами в зубах и в ратиновом пальто. Прямо с порога запел басом на оперный манер:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.